

мне показалось, что я для них, видимо, уже вторсырье, отработанный материал. Ну, ничего, и так бывает. Мне все равно жаловаться — грех, я живу, и живу интересно. В этом отношении судьба моя пока не ущербна...

— В «Жмурках» ваш милиционер Степан очень убедительно смерти боялся — такой первобытный, глумливый страх на экране...

— Глубина страха? Это меня радует... Конечно, и я в реальной жизни чего-то боюсь, например высоты. Боюсь воды, змей, землетрясений — хотя никогда их не испытывал, но почему-то на генном уровне я их боюсь. И, тем не менее, страх в искусстве, в своей профессии я изображаю. Чем руководствуюсь? Я пока не могу ответить. Но в жизни я не боязливый человек, будем так говорить. Смелость — это удел все-таки более сильных и героических людей. Но я не боюсь жить, не боюсь ночи, бандитов... Мне однажды приснился сон: пространство, залитое какой-то жгучей жижей, грязью, ужасом, — всё это кипит, булькает. А среди этого какой-то люк или колодезь. И меня опускают туда вниз головой, и я задыхаюсь, кричу, каюсь, молю Бога. Но меня не отпускают, окунают в какой-то тартар, в преисподнюю, и нету этому остановки, и нет мне покоя. Я проснулся в холодном поту. Сон закончился, появилась возможность с облегчением вздохнуть. Потом я понял, что за каждым страхом существует облегчение, а если нет облегчения после страха — тогда это уже смерть.

Круче «Оскара»

— Возвращаясь к «Брату-2»... С этим фильмом у вас связана одна большая жизненная победа, за которую призы не дают — но вы получили яркое продолжение актерской карьеры. Вы уже 20 лет категорически не употребляете алкоголь. Хотя всё могло закончиться и трагически...

— Весь конец 1998-го и 1999 год я был трезвый, не пил. Я был в завязке без всяких вшиваний. Я не занимался этим, я вообще в это не верил никогда — я просто знал, что компьютер внутри меня — он включает змею, он подключает к моей жизни эту змею, которая таится в каждом, кто пьет.

Она может притаиться в копчике, за ухом, в затылке, в пятке, под мышкой, в ногте левого указательного или безымянного пальца на ноге, где угодно... Она в клубочке, таится и только одними ресничками хлоп-хлоп — ждет какого-то только ей ведомого сигнала. А мы о ней забываем. И вот в момент, когда мы о ней забываем, происходит срыв. Вот и всё. И пока я помню об этом образе — я эту болезнь нарисовал именно образом змеи, которая во мне жила и требовала, естественно, этого продукта. Так вот, в 1999 году я закончил сниматься в «Брате-2», получил гонорар и уже запланировал, что я пойду в запой. Можете себе представить? Моя змея сказала: «Ну, теперь тебе ничего не страшно, я не обижу тебя, всё будет с тобой нормально, ты только плохую водюру не бери. Возьми

Летом 2005-го, когда после первого майдана при президенте Ющенко «западенцы» уже пытались утвердить свои порядки в Крыму, я тоже обсуждал с Сухоруковым фильм «Брат-2». Тогда киноэпизод с бандеровцами был по-своему актуален и казался нам не столь ироничным...

— Как вы воспринимаете то, что на Украине стали по-своему переписывать общую историю Отечества?

— Меня особенно задает, что эти политики, местечковые лидеры, которые переписывают, — дети моего времени. Я родился при Сталине в 1951 году, в школу пошел при Хрущеве, учился и в армии служил при Брежневле, в Ленинград уехал при Андропове. Сегодня живу при Путине. И они же вместе со мной учились в школе, вместе со мной жрали, пили... Но почему-то у них там озарение, открытие, пересмотр, а у меня чего? Ребята, чего мы в игры-то играем, в какие игры играем? Из какого амбара жрете? Поживем — увидим. Лишь бы детям плохо не было, чтобы диатез души не произошел у собственных детей.

— Если бы вас пригласил именитый режиссер в картину с такой трактовкой истории, которая идет вразрез с вашими принципами? Например, как у Анджеева Вайды в его «Катини»...

— Нет, не пошел бы. Тем более обидно, если ты талантлив, если ты именит, если ты действительно знаковый человек и занимаешься вот этим политическим блудством, профанацией на краю времени и думаешь, что ты там и останешься. Почему я должен обслуживать продажную сиюминутность? Нет, уж если плываться, то плывать в вечность буду. А для этого много других тем и жанров. Родину-то любить надо не переписыванием истории, а взаимоотношениями с людьми. Любовь к Родине — это взаимоотношения людей. А не то, что сегодня написано одно, завтра — другое... Тот же Вайда — хорошо жил, может, предкам досталось, так и моим предкам досталось! Только одним позволено говорить, кричать, показывать, а другим не дано и непозволительно. У каждого из нас есть черная страница, и, если мы все эти черные страницы соберем, давайте попросим у Бога цианистого калия. Не для себя, для всей Земли. Потому что если разбираться, даже не копать, не шуршать, а просто разбираться, мы все в грязи и в преступности! Все, до единого! Даже младенцы. А это уже отдельный разговор...

— Бандеровцы уже и памятники собираются ставить своим «героям» в любимом вами Крыму...

— Через 10 лет давай встретимся и посмотрим, где эти западенцы будут. Вот и всё.

хорошей!» И я купил французский коньяк. И портвейн у меня был марочный. Только почему-то я набрал всего и много. Зачем? Змея не сказала — не бери много. Она говорит — возьми качественного. И я взял. И понимаю, что впереди миллениум — а это была ошибка, миллениум начался в 2001-м. А 2000 год — это завершающие десятки, и я думаю, ну как же нули-то не обмыть? Три нуля, я дожил до трех нулей! И я наряжаюсь, с деньгами, закончив съемки, всё у меня в порядке, еду на Родину и встречаю Новый год с белорусской водочкой. Мне бутылку водки подарили в Белоруссии, я там был, то ли на гастролях, то ли на съемках.

— А коньяк, портвейн?

— А это я уже купил сам в Москве, нет, в Петербурге... и загулял! Новый год, я пьяный, по снежку, по ночам колобродил

в Орехово-Зуево... И догнись до такого состояния, что где-то в районе 15 января мне стало плохо, я уже лежал и кровью харкал... Это наков непознанное чудо, в котором разобратся многие не могут, они не верят в это чудо и с этим не согласны. Они агрессивны, категорически не хотят этого признавать, рассуждая: «Да нет, он под подушкой пьет, он обманывает нас, он такой же алкоголик, он обязательно завтра, не сегодня завтра обязательно сорвется, он нам еще покажет свою змею». Только мне сегодня кажется, что змея на меня обиделась, если она из меня не ушла куда-то в другую сферу, глазики-то она не открывает, она сегодня ресничками не вздрагивает, затаилась, как будто в ночежке, как будто спячка у нее зимняя. Почему? Я о ней помню... 20 января я лежал, и на полу около меня две трехлитровых банки с водой. Просто с водой. Каждые 10 минут пил эту воду — весь мокрый, ползал в туалет... Но два дня я лежал и пил эту воду, и 22 января к вечеру я тихо-тихо встал в трусах, весь какой-то намыленный от пота, зашел в ванную и дрожачим телом включил душ. И стоял под этим душем, я смывал с себя вот эту всю липкость запоя. Потом я выпил таблетку снотворного и уснул. Сон всегда помогает, особенно когда тревожно. И утром 23 января я проснулся и пошел чистить зубы, брить лицо, мыть голову... Всё! И дальше мне стало легче, я еще чувствовал какую-то внутреннюю дрожь, какой-то нездоровый холод в теле, но я уже понимал, что я освободился от того мучительного груза пьянки. Вечером я уехал в Питер. Вот поэтому 23 января для меня день рождения. Сестра дала на дорогу, и я поехал в другую жизнь. Конечно, я поехал к проблемам... Я вернулся в свой мир и стал его чистить, выскребать, вылизывать, прокипать! И получилось. Я готов был не к какому-то процветанию, к ренессансу, нет, я готовил себя к обиденной, скудной, какой-то тревожной жизни. Я знал, что путь мой до моих желаний будет долгим. А желания одни — быть актером, не иметь долгов, выходить к людям чистым, нарядным, сытым, довольным и независимым! Не сразу, но получилось...

Майкл Львовский,
фото автора и Ольги Бурцевой.

CRIMEA.MK.RU

МК
В КРЫМУ

ВО ВСЕХ ПОЧТОВЫХ ОТДЕЛЕНИЯХ
ПРОВОДИТСЯ ПОДПИСКА НА ГАЗЕТУ
«МОСКОВСКИЙ КОМСОМОЛЕЦ В КРЫМУ»!

ПОДПИСНОЙ ИНДЕКС
ЕЖЕНЕДЕЛЬНИКА — **09491**

ЦЕНА ПОДПИСКИ

На 1 месяц: **117 руб. 05 коп.**
На полгода: **702 руб. 30 коп.**